

Учет и реквизиции продовольствия в Псковской губернии 1917–1920 гг.

С первых дней после революционных событий в Петрограде Советская власть столкнулась с острой проблемой хлебозаготовок. Ситуация с продовольствием в ряде губерний России накануне Гражданской войны представлялась крайне сложной, т. к. в годы Первой мировой войны царское, а затем и Временное правительство не смогли создать эффективную государственную систему хлебозаготовительных органов. Цены на хлеб резко поднимались вверх, в результате чего крестьянство проигнорировало государственную монополию на торговлю хлебом, придерживая его в своих амбарах, а при возможности прибегало к спекулятивной торговле им. Бюрократическая чехарда и транспортный кризис, усилившийся в 1917 г., сыграли далеко не последнюю роль в деле поставок продовольствия для Псковской губернии. На протяжении лета – осени 1917 г. Министерство продовольствия было вынуждено постоянно понижать потребительские нормы хлеба для городского, а затем и сельского населения. Так, в докладе о хлебной монополии, сделанном на Псковском губернском продовольственном съезде 23–25 августа 1917 г. были установлены следующие продовольственные нормы потребления: на одного человека в месяц полагалось 50 фунтов ржи, с увеличением до 60 фунтов для одинокого человека и 4,5 фунта крупы в переводе на зерно. Так же губернским продовольственным комитетом устанавливались нормы для скота, оговаривалось определенное количество зерна, отведенного для посевных работ. В соответствии с этими нормами на один крестьянский двор должно было приходиться около 35 пудов зерна. В городах же к этому времени потребительская норма была понижена до 25 фунтов муки и 3 фунтов крупы¹. В дальнейшем ухудшение продовольственной ситуации в губернии вызвало снижение норм потребления. Для сельского населения эта

Васильев Максим Викторович – аспирант кафедры русской истории ПсковГУ.

норма составила 40 фунтов зерна и 3 фунта муки, а 18 октября «в виду остроты продовольственного дела» губпродкомитет в очередной раз уменьшил норму до 30 фунтов и включил картофель в зерновую потребительскую норму². После Октябрьской революции продовольственный кризис продолжал нарастать быстрыми темпами. Ситуация в регионе была осложнена еще и тем, что Псковская губерния традиционно являлась потребляющей и в значительной мере зависела от поставок продовольствия из других, хлебных губерний. В условиях же полного краха государственной экономики и нарушения торговых связей в стране эти поставки практически прекратились. Так, в довоенное время ввоз зерна в Псковскую губернию составлял 1,8 млн. пудов, в 1917 г. – 1,1 млн. пуд., а за весь 1918 г. было получено только 175 тыс. пуд. при том, что значительная часть вагонов с хлебными грузами (187 вагонов) пришла в Псковскую губернию только к лету 1918 г.³ Перебои с поставкой хлеба были связаны с фактической парализацией железнодорожного сообщения. В январе 1918 г. на заседании Псковского губисполкома отмечалось, что «в связи с железнодорожной разрухой, голодающие губернии останавливают грузы с продовольствием и разгружают их..., ходки возвращаются без хлеба»⁴. Осложнению ситуации в губернии способствовал наплыв беженцев из разоренных войной районов. Так, например, количество таковых в 1917 г. составляло 31451 чел., а к началу 1918 г. увеличилось до 36,5 тыс. чел.⁵ Обеспечение беженцев продовольствием являлось обязанностью государственных органов. Эскалация продовольственной проблемы, ее многолетняя нерешенность, привели к тому, что уже весной 1918 г. псковская деревня столкнулась с острой проблемой повсеместного голода⁶. Наиболее тяжелое положение сложилось в Опочечком, Порховском и Холмском уездах, в которых были съедены даже запасы семян, предназначенных для ярового сева⁷. Но даже

к осени 1918 г., когда была снята значительная часть урожая, недостаток зерна продолжал ощущаться. Например, в Псковском уезде не хватало 468816 пуд. хлеба⁸. В циркуляре Комиссариата земледелия Союза Коммун Северной области (СКСО) отмечались случаи повсеместного голода. А в докладе эmissара по Островскому уезду указывалось, что «надеяться на получение излишков хлеба в Островском уезде не приходится, так как повсеместно недостаток ржи, овса и картофеля»⁹. Аналогичные известия шли из Порховского уезда, где по данным члена коллегии продовольственного комитета в критическом положении оказались Сорокинская, Михайловская, Городовицкая и Дегожская волости¹⁰. В Новоржевском уезде месячная норма потребления, отпускаемая на одного едока равнялась 1,5 фунта овса, а в Опочецком уезде – 4 фунта зерна на 10 дней. К весне 1918 г. 50% детей Псковской губернии опухли от голода, в поисках хлеба одна деревня нередко обыскивала другую, что приводило к кровопролитным столкновениям¹¹. Из-за напряженного положения дел с продовольствием весной – летом 1918 г. в ряде уездов Псковской губернии прокатилась волна крестьянских волнений, ряд из которых Советской власти приходилось подавлять при помощи военных команд. Так, в мае 1918 г. на «почве голода» произошли волнения крестьян в Дроздовской, Бологовской и Новской волостях Великолукского уезда. 12 мая выступление крестьян было отмечено в Солецком поселке Порховского уезда, в начале июня – в Островском, Псковском, Опочецком и Торопецком уездах¹². Анализируя сложившуюся ситуацию в деревне 1918 г., Н. Орлов в своей работе приводил следующие цитаты из различных источников, достаточно красочно характеризующих настроение крестьянства и роль голода в военно-политической активности деревни того времени: «Настроение масс настолько неустойчиво, что какие угодно нелепые слухи находят ответный отклик и благодатную почву», «Обезумевшие от голода люди и поступают безумно. В этом нет ни чего удивительного», «Крестьяне обезумели от голода. По полям начинают бродить как волки. Толпы годных», «Поля под яровой посев не обрабатываются, потому, что нечем

обсеменить. Если у кого и есть запас для посева, то голодающие кричат: «Вот я возьму от тебя хлеб, чтоб хватило до нового урожая, а то ноги протяну... А что останется, можешь себе сеять». И берут голодные семена, а те, у кого берут, печально смотрят на свои поля, на которых не суждено видеть зеленых яровых и озимых всходов», «И все больше растет это настроение отчаяния и холодного ужаса перед грозным призраком голодной смерти»¹³.

В сложившихся крайне тяжелых условиях Советская власть не имела возможности для промедления. Для разрешения продовольственного кризиса необходимы были радикальные меры, другого выхода у большевиков просто не было. В связи с этим В.И. Ленин объявил «крестовый поход» за хлебом, направленный против нарушителей «строжайшего государственного порядка», объясняя чрезвычайные меры тем, что против «отчаянного бедствия нужны были и отчаянные меры борьбы»¹⁴. В январе 1918 г. в резолюции Всероссийского продовольственного съезда была объявлена хлебная монополия, что являлось полным продолжением продовольственной политики Временного правительства. Но, как и в предыдущие годы, крестьяне не спешили сдавать хлеб новому правительству. Надежды на то, что крестьяне, поправив свои наделы за счет конфискованных частновладельческих земель, в знак благодарности передадут хлеб государству, оказались несбыточными. Деревня проигнорировала хлебную монополию, считая неприемлемым для себя мизерные закупочные цены, установленные государством. Не устраивал крестьян и введенный в апреле 1918 г. товарообмен с крайне низким эквивалентом промышленных товаров на сельскохозяйственные продукты. Для крестьянина предпочтительнее оставалась свободная торговля, в крайнем случае, самогонварение, которое приносило стабильный и достаточно высокий доход по сравнению с государственными закупками. Цены же на продовольствие в первой половине 1918 г. продолжали неуклонно расти. Так, цена на псковском рынке на рожь выросла с 68 до 121 руб. за пуд, что составило 178% роста, ржаная мука возросла в цене с 85 до 147 руб. «Это время – писал Н. Орлов – было отмечено еще более резким

повышение цен. Бумажный рубль перестал пользоваться уважением хлебопроизводителя. Мешочники нередко возвращались со своими деньгами и с пустой торбой. Деревня требовала не денег, а товаров. Деньги дешева, а хлеб дорожает»¹⁵.

На организации продовольственных заготовок негативно сказывалась слабость самих продовольственных органов на местах и центрального аппарата в первые послереволюционные месяцы. Разобщенность хозяйственного управления, местничество, некомпетентность многих сотрудников становились большим тормозом на пути продовольственных заготовок. В условиях угрозы голода и гиперинфляции, неуверенное в завтрашнем дне крестьянство, стремилось припрятать хлебные запасы и заняло выжидательную позицию. В этих условиях ВЦИКом были приняты декреты «О предоставлении Народному комиссариату продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» от 9 мая и «О реорганизации Народного комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов» от 27 мая 1918 г. Этими декретами Советская власть фактически вводила в стране продовольственную диктатуру, направленную против всего крестьянства, имевшего запасы хлеба. Подтверждалась незыблемость хлебной монополии и твердых цен на хлеб. Декреты предоставляли право органам Наркомпрода применять военную силу в целях изъятия излишков хлеба у крестьян. Все владельцы хлеба, укрывавшие продовольственные запасы, объявлялись врагами народа, им грозило тюремное заключение до 10 лет с конфискацией всего имущества. В целях получения максимального количества зерна В.И. Ленин призвал к проведению «террористической войны против крестьян и иной буржуазии, удерживающей излишки хлеба»¹⁶. В деревню для реквизиции были направлены продовольственные отряды. По словам В.И. Ленина, это был превосходный план «массового движения с пулеметами за хлебом»¹⁷. В то же время главный комиссар и руководитель продовольственной армии Г.М. Зусманович предлагал усилить ее артиллерийской бригадой и кавалерийскими ча-

стями, предназначенными решать «не только специально продовольственную, сколько уже политическую цель – использование продовольственных отрядов в необходимых случаях для борьбы с контрреволюционными выступлениями на местах и в центре»¹⁸. 29 июня 1918 г. Псковский губисполком постановил приступить к формированию продовольственных отрядов, создание которых было возложено на губернский военный комиссариат при участии представителя комитета продовольствия¹⁹. Продовольственный фронт на селе был официально открыт, начался поход против крестьянства. Народный комиссар по продовольствию А.Д. Цюрупа, оправдывая необходимость террора в деревне в мае 1918 г. говорил, что с введением продовольственной диктатуры речь идет именно о войне: «Только с оружием в руках можно получить хлеб. Мы предлагаем войну против деревенской буржуазии, которая зажала в кулак хлеб. Мы предлагаем самую беспощадную войну, доходящую до последней точки». Далее нарком сформулировал основные репрессивные задачи продовольственных отрядов. По его мнению, продотряды не должны ограничиваться только конфискацией продуктов у крестьян, а обязаны еще выполнять и профилактическую, психологическую роль, нагнетать страх на деревенское население: в случае, если оно не сдаст добровольно хлеб, его все равно возьмут силой. Даже появление в селе вооруженного продотряда, отмечал Цюрупа, подтолкнет крестьянина к сдаче хлеба не только в данной местности, но и в ближайших соседних деревнях²⁰. В то же время ни в одном из декретов Советской власти не было четкого разграничения между кулаками и середняками, а тем более не оговаривались местные условия, в результате чего, как и в деле создания комитетов деревенской бедноты к классу кулаков могли быть причислены все крестьяне, имеющие какие либо хлебные запасы, припасенные ими не только для продажи, но и для посева или на случай неурожая в следующем году. В силу обстоятельств под удар продотрядов попадало в первую очередь многочисленное крестьянство среднего достатка.

В соответствии с инструкцией Псковского губернского продовольственного ко-

миссариата «По организации учета и реквизиции урожая 1918 г.» на местах были организованы: губернская учетно-реквизиционная комиссия, уездные комиссии (по одной на уезд) и волостные учетно-реквизиционные отряды. В непосредственное взаимодействие с крестьянами вступали учетные отряды, в состав которых должны были входить представитель от волостного Совета, два человека от сельских организаций, два от селений, один представитель от Красной армии, два красноармейца, один милиционер, регистраторы, рабочий и счетчики. Во главе отряда должен был стоять Комитет из представителей Красной армии, волостного Совета и регистратора²¹. В реальности же учетные комиссии из-за недостаточного количества ответственных работников редко собирались таким большим составом. В большинстве случаев работу производили всего несколько человек, что резко сказалось на качестве заготовительных работ. Как и в большинстве губерний России, псковские продовольственные органы приступили к учету нового урожая руководствуясь инструкцией «О порядке сдачи хлеба в распоряжение государства» от 13 мая 1918 г., в соответствии с которой само население обязывалось дать необходимую информацию о размере посева и урожая. В заявлениях крестьян также должно было быть отмечено число душ в семье, количество лошадей и десятин земли, подлежащих озимому посеву²². Имея возможность свободно назвать любое количество зерна, крестьяне, естественно, стремились к занижению своих показателей, что приводило к затруднению работ и неразберихе при сравнении отрядами списков и наличного урожая в крестьянских запасниках. В иных же случаях сама проверка совершалась людьми малограмотными, а порой случайными. Так, иногда в отчетах того времени отмечалось, что учет проводили регистраторы-учетчики, чаще всего ученики-подростки, набранные в своих же селах. «Несведущие люди ходили по селу, по дворам и записывали то, что им говорили, а не то, что было в действительности»²³. В результате этого определенная часть зерна, собранного осенью 1918 г. была скрыта крестьянами от советских продовольственных органов. С другой стороны, в ряде

мест регистрация излишков хлеба вовсе не производилась, и сдача хлеба крестьянами велась по принципу «кто сколько сможет». Относительно стабильно и организовано поступил хлеб, собранный в бывших помещичьих имениях. Так, например, по Порховскому уезду из имения Вольшево было изъято 3175 пудов хлеба, а из имения Красные Горки – 600 пудов хлебных запасов²⁴.

Осенью 1918 г. учету подлежал только хлеб, его производные (мука, отруби, жмыхи), крупы, горох и картофель. Средняя потребительская норма по Псковской губернии устанавливалась в 27 фунтов муки, трех фунтов крупы и двух фунтов картофеля на человека в месяц²⁵; лицам, занимавшимся физическим трудом, норма могла повышаться. Семенной фонд оставлялся крестьянам из расчета площади, подготовленной к посеву, и не менее засеянного в 1917 г. в соответствии со средними посевными нормами. Оговаривалось и количество корма для скота²⁶. В распоряжение крестьянина предоставлялся хлеб, рассчитанный по потребительским нормам до августа 1919 г., т. е. до следующего урожая. Все остальные хлебные запасы подлежали изъятию, о чем составлялся соответствующий акт, и владельцу выдавалась квитанция. Реквизиция хлеба должна была производиться по твердым ценам, которые осенью 1918 г. по Псковской губернии составляли: пуд ржи – 18 руб., пшеницы – 22,5 руб., овса – 16 руб., ячменя – 16, 25 руб. В том случае, если обмолот хлеба или уборка картофеля были не произведены, и крестьяне отказывались их производить, осознавая, что урожай все равно придется отдать государству, то продотряды должны были организовать уборку урожая за счет владельца²⁷. Для более успешной уборки урожая на основе декрета Совнаркома от 4 августа 1918 г. уездные Совдепы совместно с органами Наркомпрода должны были сформировать специальные уборочные (уборочно-реквизиционные) отряды, в состав которых привлекались рабочие Псковской губернии. Практика применения специальных пролетарских уборочных отрядов использовалась и в 1919 г. Каждый член отряда получал суточные в размере 50 руб. и продовольственный паек не менее 1,5 фунта. Так зарождалась шефская помощь

города селу, которая в дальнейшем станет традиционной²⁸.

В реальности же местные продовольственные органы не успели подготовиться к продовольственной кампании 1918 г. Главное, не были оборудованы ссыпные пункты для хранения реквизированного зерна, в результате чего достаточно распространенным было явление, когда учтенный и подлежащий реквизиции хлеб оставался храниться у самих же крестьян, под строжайшим запретом пользоваться таковым. Псковские продовольственные комитеты на местах не располагали ни материальными, ни человеческими ресурсами для должного осуществления работы, сказалась и слабость самой Советской власти в ряде мест летом – осенью 1918 г. В отчете ответственного работника учетно-реквизиционной комиссии Григорьева (инициалы в документе отсутствуют) отмечалось, что «дело с учетом обстоит не совсем хорошо. Комитеты деревенской бедноты не стоят на должной высоте. Когда их по обществам собираешь и объясняешь положение, то они идут навстречу, но когда начинаешь делать учет, то видно, что здесь справедливости мало... В некоторых волостях дело с учетом подходит к концу, но в некоторых волостях далеко половины не сделано. Учет в Псковском уезде тех результатов не даст, что нужно было сделать»²⁹. Неудачные результаты подворного учета продовольствия в 1918 г. отмечались и в общественном докладе о заготовках на губернском продовольственном совещании в Пскове: «Подворный учет никогда не давал крупных результатов и такой способ заготовки хромал»³⁰.

Не имея четкого представления об излишках хлеба в волостях, тем более в крестьянских хозяйствах, заготовители не знали, какое количество зерна можно было изъять в конкретной деревне. Вместо планомерного отчуждения излишков хлеба продорганы стали прибегать к бессистемным реквизициям и конфискациям, в результате которых страдали все группы крестьянства. Иногда в одних и тех же деревнях реквизиции производились по очереди продотрядами и воинскими частями, которые по Псковской губернии были расположены повсеместно. С осени 1918 г. реквизиции продовольствия в Псковской гу-

бернии все чаще стали приобретать случайный характер³¹.

Сами продовольственные отряды занимали особое положение в общей организации сети продовольственных органов и являлись одним из рычагов заготовительной деятельности на местах. Продотряды формировались Военно-продовольственным бюро Совета профсоюзов и выполняли следующие функции:

1. Производство учета урожая и хлебных излишков³².
2. Выполнение соответствующих операций, непосредственно связанных с ссыпкой хлебных излишков государству.
3. Проведение агитации и побуждение крестьян к добровольной сдаче хлеба.
4. Оказание содействия транспортным операциям.

Продовольственные отряды набирались из добровольцев и лиц, призванных в Красную армию, но оказавшихся по состоянию здоровья негодными к несению строевой службы. В организационном отношении они были построены так же, как и вся Красная армия, подчинялись всем декретам, касающимся последней, и в случае надобности могли быть использованы в военных действиях. С августа 1919 г. продармия была включена в состав войск внутренней охраны³³.

Осложняло процесс продовольственных заготовок и отсутствие единой структуры самих продовольственных органов на местах, а так же неопределенность их функций. Так, в Псковской губернии наравне с учетно-реквизиционными отрядами и отрядами Военно-продовольственного бюро действовали различные продотряды, сформированные в городах летом 1918 г. В соответствии с существующим законодательством крупным профессиональным союзам, фабрично-заводским комитетам, уездным и городским Советам депутатов предоставлялось право посылать свои отряды для закупки по твердым ценам и реквизиции хлеба у зажиточных крестьян. Такие отряды проходили несложную процедуру регистрации в губернском продовольственном отделе и сразу же приступали к заготовкам. Половина заготовленного хлеба должна была быть передана в распоряжение губернского комиссариата

продовольствия, другая вывозилась и передавалась организации, пославшей отряд³⁴. Так, например, еще в мае 1918 г. руководители Петроградской трудовой коммуны постановили временно «разрешить свободный ввоз в Петроград съестных продуктов», правда, только из Порховского уезда³⁵. Такой принцип самообеспечения городов и коллективов еще больше ломал структуру хлебозаготовительных работ и вводил ее в деструктивное русло. В результате чего уже 1 июня 1918 г. СНК постановил запретить всякие самостоятельные заготовки продовольствия, которые «порождали ажиотаж и нередко служили прикрытием для спекуляции»³⁶. Вернувшись через несколько дней к этому вопросу, Совнарком принял следующее решение: «Совет Народных Комиссаров устанавливает политику Комиссариата продовольствия, как политику Совета Народных Комиссаров и подчеркивает, что всякие требования самостоятельных заготовок и изменение твердых цен являются подрывом единственно правильной революционной политики»³⁷. Но в полном объеме заявленный принцип реализовать не удалось. В деревнях, особенно в хлебоуборочный период августа – сентября, агенты-заготовители от различных организаций продолжали действовать независимо друг от друга, усиливая тем самым неразбериху и анархичность действий.

В целях повышения эффективности хлебозаготовительных работ В.И. Ленин предлагал военные комиссариаты превратить в военно-продовольственные, «... мобилизовать армию, выделив ее здоровые части, и призвать девятнадцатилетних для систематических военных действий по завоеванию, сбору и свозу хлеба. Ввести расстрел за недисциплину. Успех отрядов измерять успехами работы по добыче хлеба»³⁸. Наделенные огромными полномочиями, вооруженные пулеметами³⁹, продовольственные отряды приступили к массовому ограблению крестьянства. Практически сразу после появления продотрядов в Псковской губернии посыпались жалобы на перегибы и различного рода преступления. Так, например, летом 1918 г. в Холмском уезде продотряды конфисковали весь имеющийся у крестьян хлеб, в результате чего крестьяне были вынуждены

ехать за ним в соседние уезды Псковской и Новгородской губерний. В тех случаях, когда крестьяне не могли выполнить возложенную на них продовольственную разверстку, продотряды нередко прибегали к арестам и реквизициям всего наличного имущества в хозяйстве крестьянина⁴⁰. В своем отчете в Псковский губисполком инструктор-агитатор Горбаченко отмечал: «Каждый авантюрист грабит крестьян с корыстной целью, но органа такого нет, который пресекал бы жестокость и недекретированные действия. Одним словом, обрекают на гибель крестьян»⁴¹. На первом съезде крестьян и работниц Северной области, проходившем в январе 1919 г. крестьянка Новоржевского уезда Клементьева (инициалы в документе не указаны) жаловалась на действия продовольственных отрядов: «Прошлой весной последний хлеб брали со стола. Доколь это будет... Наши товарищи, наш Совет отнимают от нас эти фунты... На первый отобрали – 10, на второй – 10, на третий – 10, что останется. Как питаться, не только уже поле обсеять. Если хлеба не доставят, у нас сил не хватит. Урожая нет. У нас не стараются достать, а стараются даже от нормы отнять»⁴². Подобные жалобы крестьян были весьма распространенными: «приезжают семь человек и говорят: «Мы отряд смерти». Этот отряд смерти приехал и отобрал весь хлеб. Никаких документов не показывал»⁴³. Вооруженное насилие продотрядов был вынужден отметить в своих работах даже экономист Н.Д. Кондратьев: «Принуждение это проявляется в форме реквизиций и переходит в самую настоящую вооруженную борьбу за хлеб. Но это не просто реквизиции, не просто принуждение. Это принуждение, проникающее всю продовольственную политику власти и окрашивающее эту политику. Оно облечено в специфическую идеологическую форму»⁴⁴. В оценках продовольственной политики большевиков К.Д. Кондратьев был совершенно прав. Так, в одной из своих работ В.И. Ленин следующим образом обозначал тактику продовольственной работы на селе: «Хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность являются в руках пролетарского государства... таким средством, которое... даст невиданную еще в истории силу «приведения в движение»

государственного аппарата, для преодоления сопротивления. Это средство контроля и принуждения... посильнее законов конвента и его гильотины. Гильотина только запугивала, только сламывала активное сопротивление. Нам этого мало. Нам надо не только «запугать»... нам надо сломать и пассивное, несомненно, еще более опасное и вредное сопротивление. Нам надо не только сломить какое бы то ни было сопротивление. И мы имеем средство для этого... Это средство – хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность»⁴⁵.

На первом этапе заготовок продовольственные отряды и комбеды вступали в контакт непосредственно с самими держателями хлеба при сравнительной пассивности основной массы крестьян, в результате чего каждый крестьянин отвечал только за себя. В целях активизации продовольственных заготовок Советская власть решила добиться коллективной ответственности деревни. Уже в августе 1918 г. В.И. Ленин в записке А.Д. Цурюпе предлагал «назначить поименно в каждой волости 25–30 заложников из богатей, отвечавших жизнью за сбор и ссыпку всех излишков»⁴⁶. В дальнейшем он разъяснял тактику заложничества: «в каждой волости назначите (не берите, а назначите) поименно заложников из кулаков, богатеев и мироедов, на коих возлагайте обязанность собрать и свезти на указанные станции или сыпные пункты, и сдать властям все дочиста излишки хлеба в волости»⁴⁷.

Проявленная жестокость и систематические нарушения закона со стороны продотрядов вызвали ответную вооруженную реакцию у крестьян. Летом - осенью 1918 г. крестьянские восстания прокатились с новой силой, причиной которых стал не только голод, но и перегибы со стороны продовольственных отрядов. Зачинщики волнений расстреливались на месте, не заставляли себя ждать и публичные порки с реквизициями крестьянского имущества. Так, летом 1918 г. в районе Белых Струг и в соседнем Лужском уезде прошли крестьянские мятежи, вызванные действиями продотрядов. Эти волнения крестьян были подавлены силами Лужского партизанского конного полка под командованием С.Н. Булак-Балаховича. Позднее о

этих событиях председатель Псковского губисполкома докладывал на съезде Советов: «...отряд вел явно провокационную работу в деревне. На его зверские «реквизиции» и вообще его манеру от крестьян постоянно приходилось слышать жалобы. Когда вследствие этого поднималось крестьянское восстание, Балахович ехал и умирал его со страшной жестокостью...»⁴⁸. Но несмотря на жестокое подавление крестьянских волнений, Советская власть так и не смогла собрать необходимого количества зерна с крестьянских хозяйств. Псковские крестьяне в условиях голодного существования упорно уклонялись от разверстки и прятали хлеб в различных местах, даже топили мешки с зерном реках и прудах. В докладе «О состоянии Совдепов Псковской губернии» на сентябрь 1918 г. отмечалось, что кулаки делают тайники с зерном и картофелем в лесах. У коих находят подобные ямы – накладывают контрибуцию, но подобные явления продолжают»⁴⁹. В ряде отчетов продовольственных органов прослеживалась общая мысль о несостоятельности продовольственных органов: «Жалкие попытки ввести продовольственную диктатуру и реквизицию хлеба – ничего не дали. Уж, какими только способами не пробовали. Бросали большие отряды, подходили тайком... ничего не помогает. Крестьяне вооружены ружьями, пулеметами и даже пушками. Дают поразительно дружный отпор. Кулаки умеют привлечь к себе бедноту. Голодных в своей и соседней деревне подкармливают из своих больших запасов и говорят им: «если у нас отберут, то и у вас ни чего не будет. Будете на голодном пайке». И многих ухитряются завербовать в свою армию»⁵⁰. Столь дружное противостояние крестьян продовольственной политике Советской власти, в первую очередь, объяснялось тяжелым продовольственным кризисом, разразившимся в Псковской губернии. Крестьяне интуитивно чувствовали, что в сложившихся условиях военного времени и экономической разрухи, помощи им ждать не от кого, и если они отдадут свои последние запасы, то непременно обречут себя на голодное существование уже к зимним месяцам. В отчете по организации учета урожая в Новоржевском уезде отмечалось, что в ряде волостей население к про-

водимым мерам относится «не сочувственно, есть сомнения и враждебное настроение. Все население относится пассивно и с недоверием, некоторые заявляют, что Советская власть ловит их в ловушку. На вопрос «как», не отвечают и молчат»⁵¹. Подобное молчание крестьян было обусловлено тем, что любое публичное высказывание недовольства могло быть расценено как контрреволюционное, а с другой стороны, крестьяне элементарно не располагали всей полнотой информации о продовольственной ситуации в губернии и могли судить исключительно из собственных наблюдений, житейского опыта и слухов, бытующих на селе. Но пессимистичное настроение псковских крестьян достаточно точно совпадало с опасениями губернских властей. Так, в осеннем докладе о положении дел в Псковской губернии отмечалось, что за август 1918 г. по плановым нарядам Псковская губерния должна была получить 1297 вагонов различного продовольствия, в реальности же получила всего 22 вагона, из которых только один был наполнен зерном. Далее докладчик отмечал, что «такая разница в цифрах говорит сама за себя. Положение в губернии, если в ближайшем будущем не поступит необходимого количества хлеба, будет отчаянное»⁵². Практически не получала Псковская губерния и посевного материала. Например, за весь 1918 г. в губернию было поставлено 435 вагонов семян овса, при необходимом количестве в 2246 вагонов, что составило 19 %. Для сравнения необходимо отметить, что соседние губернии, входящие в СКСО, получили примерно такое же количество посевного материала в процентном соотношении относительно запрашиваемых объемов. Так, Новгородская губерния была удовлетворена в семенах на 19 %, Петроградская – 37 %, Череповецкая – 14 %, Олонецкая – 23 %⁵³. В сложившихся условиях по самым реалистичным прогнозам продовольственных запасов в Псковской губернии могло хватить до ноября – декабря 1918 г., и лишь в Опочечком уезде внутренних запасов хватало до начала февраля 1919 г. Уже в октябре 1918 г. в одном из отчетов по учету урожая 1918 г. отмечалось, что «в каждой деревне не хватает хлеба, редкая деревня, что своим хлебом может прожить». Напряженная ситуация

с продовольствием порождала очередное недовольство деревни, например, в ряде волостей Холмского уезда столкновения крестьян с продотрядами при учете хлеба продолжались до 15 января 1919 г.⁵⁴

В целом по Псковской губернии продовольственные заготовки 1918 г. выразились в крайне незначительных величинах. Так, например, в Палкинской волости Псковского уезда было реквизировано 18133 пудов зерна, в Прудской – 10626 пудов, а в Виделебской волости того же уезда – всего 1117 пудов. Более того, в большинстве своем этот реквизированный хлеб распределялся на нужды самой волости и практически не уходил за ее пределы. Еще меньше было реквизировано зерна в Порховском уезде, где производились «частичные реквизиции в трех волостях»: Горской, Дмитрогорской и Вышегородской. В этих волостях было реквизировано 100, 548 и 586 пудов зерна соответственно⁵⁵. Незначительные результаты реквизиции урожая 1918 г. по Псковской губернии являлись отражением общероссийской тенденции. Так, еще год назад (с августа 1916 по август 1917 г.) старый продовольственный аппарат сумел заготовить без продотрядов и чрезвычайных комиссаров 320 млн. пудов хлеба. Советская же власть, применяя всевозможные устрашающие меры вплоть до расстрелов и виселиц, смогла получить к августу 1918 г. лишь 50 млн. пудов хлеба. И даже в наиболее благоприятном для хлебных заготовок времени года – с августа по ноябрь 1918 г. было изъято только 35 млн. пудов⁵⁶.

Признав фактический крах и несостоятельность «продовольственной диктатуры», 1918 г. Советская власть приступила к активному поиску новых форм заготовок и взаимодействия с крестьянами. Были повышены в три раза закупочные цены на зерно, а 5 сентября Петроградский Совет вслед за Московским принял постановление о свободном ввозе 1,5 пудов продовольствия⁵⁷. «Полуторاپудничество» фактически разрешило меновую торговлю хлебом частным лицам. К концу 1918 г. упразднились комбеды и вместо них организовывались продовольственные отделы Советов. Проект организации этих органов был принят Псковским губернским продовольственным комитетом 13 декабря

1918 г. На время, в течение которого на местах создавались продовольственные комитеты, хлебозаготовительная работа в деревне поручалась волостным исполкомам⁵⁸.

Одновременно с этими мерами оздоровления продовольственной ситуации в стране, В.И. Ленин предложил идею о натуральном налоге. В «Тезисах по продовольственному вопросу», написанных еще в августе 1918 г., он предлагал: «...Установить налог натурой, хлебом с богатых крестьян, считая богатыми таких, у которых количество хлеба (включая новый урожай) превышает вдвое и более чем вдвое собственного потребления (считая прокорм семьи, скота, обсеменение). Назвать подходным и поимущественным налогом и сделать его прогрессивным»⁵⁹. Эта идея была поддержана Советским правительством, и 4 сентября 1918 г. был представлен проект об обложении сельских хозяев натуральным налогом в виде отчисления части сельских продуктов. В докладной записке, приложенной к проекту декрета, нарком финансов Н.Н. Крестинский писал, что стоимость содержания государственного аппарата очень быстро растет, возлагать на городское население «всю эту растущую тяготу» нельзя, поэтому необходимо привлечь к оплате государственных расходов и сельское население. Создать это в форме денежного обложения крестьян очень трудно, так как имеющиеся у крестьян деньги, а также фактический денежный доход с их хозяйств «с трудом поддается учету». Гораздо легче было это сделать путем взыскания в казну части сельскохозяйственных продуктов натурой»⁶⁰. 19 октября 1918 г. Советское правительство окончательно утвердило принципы декрета о натуральном налоге. Сам декрет «об обложении сельских хозяев натуральным налогом в виде отчисления части сельскохозяйственных продуктов» был принят Совнаркомом 26 октября 1918 г., но опубликован в «Известиях ВЦИК» он был только 14 ноября 1918 г. В декрете отмечалось, что Советское государство стремится к «полному освобождению бедноты от несения податного бремени, путем переложения всей налоговой тяготы на имущественно-обеспеченные классы, с тем, чтобы в деревне средние крестьяне облагались лишь умеренным налогом, а на кулаков богатеев была возложена главная часть

государственных сборов»⁶¹. Предполагалось подходное, прогрессивное налогообложение, беднота от налога освобождалась вовсе, что предполагало возможность оставлять в хозяйстве крестьянина определенную часть излишков хлеба для местного пользования⁶².

Фактически натуральный налог стал первым советским налогом на крестьянство. Его введение должно было решить несколько задач одновременно: вовлечь в налоговую систему крестьянское население, прекратившее платить налоги с 1917 г., подорвать экономическое благосостояние зажиточных крестьян, укрепив тем самым социальную базу Советской власти на селе, обеспечить город и армию постоянным поступлением продовольствия. В дальнейшем, на съезде финансовых отделов (май 1919 г.) заместитель наркома финансов С.Е. Чучкаев отмечал, что натуральный налог «должен был дать нам такое количество продуктов сельского хозяйства, которое обеспечило бы потребности крупных городов и всех промышленных центров»⁶³.

С первых же дней осуществления продовольственного налога на местах возник вопрос об определении его размера. За основу налогообложения были взяты размеры крестьянских посевных площадей и количество скота. При установлении того и другого использовались данные земских учреждений и статистических органов старого времени, порой не соответствующие реалиям времени. В результате местные органы власти должны были определить экономические группы крестьян, подлежащие обложению, по чисто субъективным признакам. При обложении налогом пашни применялся двойной принцип, учитывающий площадь посева и размер семьи. При начислениях на скот вводилось одинаковое обложение всех плательщиков, имевших определенное количество скота. В реальности же применить корректировку в виде сообразности ставок с составом семьи оказалось невозможно. Возникли и существенные проблемы с составлением списков крестьян, подлежащих налогообложению. Данные в этих списках отражались «крайне небрежно, не указывалась площадь посевов, не подсчитывались итоговые результаты налога», в целом реальное состояние крестьянских хозяйств зачастую не соответствовало

переписным спискам. Причинами подобных упущений являлись все те же проблемы, с которыми сталкивалась Советская власть в любых своих начинаниях в 1918 г.: слабость государственных органов на местах, недостаток квалифицированных, ответственных работников, соответствующей материальной базы. Сами же крестьяне негативно отнеслись к новому налогу и всячески стремились от него уклониться⁶⁴, тем более, что многие из них к этому времени уже сдали значительную часть урожая на ссыпные пункты. Вследствие этих обстоятельств ВЦИК постановил: всех сельских хозяйств, которые уже сдали или сдадут до 1 марта 1919 г. излишки хлеба, освободить от уплаты натурального налога за 1918 г.⁶⁵ Но, несмотря на различные распоряжения, Советской власти так и не удалось наладить работу по введению натурального налога. В первую очередь это было связано с тем, что в это же время все силы местных финансовых органов были брошены на реализацию сбора 10-миллиардного чрезвычайного налога. Местные власти не имели достаточного фискального аппарата, чтобы заниматься проведением двух сборов одновременно. Кроме того, новая система обложения требовала большой подготовительной работы, времени для которой уже не было. А сами уездные финансовые органы относились к натуральному налогу достаточно равнодушно, и такое явление, как отказ волостных советов проводить работу по налогу, «никакой реакции со стороны местных советских работников не вызывало и считалось почти нормальным». «Вопли «центра» о том, чтобы работы по натуральному налогу были поставлены на первую очередь, на местах оставались «гласом вопиющего в пустыне»⁶⁶. Подобная тенденция с натуральным налогом проявилась практически повсеместно, и Псковская губерния не являлась исключением.

Временное разрешение «полуторاپудничества», как свободного ввоза хлеба, и закупки его по завышенным ценам породили у крестьян надежду на возрождение свободной торговли. А значительное сокращение численности продармии в конце 1918 г., за счет отправки ее отрядов на фронт, способствовало активному распространению мешочниче-

ства. При введении послабления на провоз продовольствия у Советской власти не было сомнений, что это лишь усилит нелегальное снабжение городов продовольствием, но другого выбора у нее не было, продовольственные органы не смогли в полной мере выполнить поставленных задач. Член коллегии Наркомпрода А.И. Сви́дерский писал о льготном провозе провизии, определяя его как «полуторاپуднической закупкой хлеба в мешочническом порядке». Органы центральной периодической печати (газета «Правда», журнал «Продовольственное дело», «Бюллетень Московского городского продовольственного комитета» и др.), публикуя сообщения по горячим следам событий, определяли новое явление, как попросту «узаконение мешочничества»⁶⁷. Псковские крестьяне достаточно быстро включились в незаконную торговлю продовольствием, выезжая не только в уездные города, но и активно пересекали демаркационную линию и торговали на оккупированной германскими войсками территории. Приезжавшие в Псков и Остров крестьяне стремились закупить как можно больше промышленных товаров для переправки их на советскую территорию, где подобные товары были в дефиците. В результате большого наплыва мешочников германскому командованию приходилось ставить по границе полицейские патрули. Так, оккупационная газета сообщала, что только за 15 дней было задержано 8 крестьянских подвод, нагруженных различным товаром⁶⁸. Но, несмотря на все усилия оккупантов, крестьяне продолжали тайно переходить демаркационную линию и провозить дефицитные по тем временам товары. «Моя газета» отмечала, что крестьяне, минуя красные патрули, привозили из неоккупированных территорий в город табачные изделия, папиросы трех сортов по цене 1100 руб. за тысячу штук, а ящик махорки были головы продать за 600 – 700 руб. Отдавали крестьяне свой товар исключительно за «николаевки» и «керенки»⁶⁹. Особый наплыв мешочников отмечался на железнодорожной станции Торошино, вблизи Пскова. Нелегальное снабжение сильно искажало принцип государственной монополии на хлеб и подрывало фиксированные цены на рынке. Например, в Новоржевском

уезде были зафиксированы случаи, когда хлеб продавали по цене 200 – 300 руб. за четверть^{70*}.

Несмотря на это, некоторое время Советская власть была ориентирована на поиск разумного компромисса между мешочничеством и монополией. Создаваемые заградительные отряды обязывались отсечь от «полуторапудников» «присосавшихся» спекулянтов. Та же задача была поставлена и перед чекистами. 2 сентября 1918 г. было опубликовано обращение ВЧК за подписью Ф.Э. Дзержинского, содержащее призыв обрушить меч «красного террора» на спекулянтов, которые не замедлят использовать «полуторапудничество» «в своих хищнических целях». Для решения этой задачи создавались железнодорожный отдел при ВЧК, транспортные отделы местных чрезвычайных комиссий на всех узловых станциях и крупных пристанях⁷². Поскольку «полуторапудники» по определению были мешочниками, то и отсечь их от спекулянтов не представлялось возможным, этим-то и пользовались мешочники.

Для борьбы с проявлением мешочничества и спекуляции Советская власть активно привлекла комитеты деревенской бедноты, обязав их следить за вывозом продовольствия и наделив правом штрафовать уличенных в спекуляции. А в условиях дефицита продовольствия, после официального обнародования «полуторапудничества», ряд волостных комбедов Псковской губернии запретил всякий вывоз хлеба за пределы своих волостей. У нарушителей данных постановлений хлеб отбирался комбедами бесплатно, а виновный крестьянин подвергался тюремному заключению на срок от трех до шести месяцев. Подобные решения были приняты рядом волостных комбедов Псковского, Порховского и Островского уездов.⁷³ А 1 сентября 1918 г. Псковский уездный исполком окончательно запретил вывоз теперь уже всех продуктов с территории уезда. Продажа муки любого сорта на рынке Торошино строго запрещалась даже по твердым ценам. Лица, уличенные в торговле, передавались революционному трибуналу и могли быть расстреляны⁷⁴. Но в целом расстрелы за незаконную торговлю

продовольствием были большой редкостью, зато штрафы, аресты и исправительные работы в качестве наказания применялись к мешочникам достаточно часто. Например, в протоколе заседания комитета деревенской бедноты Пожеревицкой волости Порховского уезда отмечалось, что мешочники-обозники Григорий и Федор Павловы были приговорены за провоз мяса в Петроград к штрафам в 1000 и 600 руб. соответственно⁷⁵.

В целях предотвращения незаконного оборота зерна комитеты бедноты Большезагорской волости Порховского уезда создавали специальные посты на дорогах, ведущих в направлении Торошино и ловили мешочников. А комбеды Островского уезда создали специальную комиссию по борьбе с вывозом хлеба за границу⁷⁶. На деле многие комбедовские заградительные отряды воспринимали свою задачу слишком прямолинейно и допускали значительные перегибы, отбирая у настоящих и «фиктивных» «полуторапудников» все провозимые товары и реквизируя не только нормированные продукты, но и овощи, фрукты, молоко, живую и битую птицу. Они заявляли, что распоряжения «центра» им «не указ», «что ходоки, даже имевшие разрешения, будут лишаться свободы»⁷⁷. В целом комитеты деревенской бедноты нанесли серьезный удар по мешочничеству, но не смогли полностью его ликвидировать. Опасение крестьян лишиться своих запасов при проверке продотрядами вновь и вновь подталкивало их участвовать в нелегальной торговле, которая продолжалась на протяжении всей гражданской войны.

Фактически натуральный налог, вводимый Советской властью, совместно с разрешением «полуторапудничества» в конце 1918 г. являлся серьезной попыткой отыскать новые пути экономического взаимодействия государства со средним крестьянством, упорядочить систему продовольственных заготовок, и главное, создать стимул к увеличению производства сельскохозяйственных продуктов. Но набирающая обороты гражданская война, увеличение численности Красной армии, повсеместные крестьянские волнения не позволили качественно осуществить переход к натуральному налогу. Определенную роль сыграл и субъективно-психологический

фактор: часть советских продовольственных работников, действующих в условиях гражданской войны 1918 г., уже привыкли к силовым методам решения продовольственной проблемы и не желали перестраивать свои методы. Выступая с докладом на X съезде РКП(б), В.И. Ленин говорил: «Из того, что мы в конце 1918 г. издали декрет о натуральном налоге, видно, что вопрос этот перед сознанием коммунистов стоял, но что мы не могли осуществить его, благодаря военным обстоятельствам. Нам пришлось в состоянии гражданской войны переходить к мерам военного времени»⁷⁸. 31 декабря 1918 г., в Москве было созвано Всероссийское продовольственное совещание. Большинство участвовавших в совещании продкомиссаров было настроено крайне радикально. Заместитель наркома по продовольствию Н.П. Брюханов, подводя итоги, заявил о необходимости введения продовольственной разверстки в общегосударственном масштабе на принципах «принудительного, а не договорного отчуждения». «Вся наша заготовительная работа, должна быть построена на обязательной сдаче всех сельскохозяйственных продуктов в распоряжение государства в порядке государственной повинности. Заготовка важнейших продуктов на основе купли-продажи или, так называемого самотека, должна быть исключена... Разверстки должны постепенно охватывать все виды сельскохозяйственных заготовок. Как первоочередная задача, должна быть произведена разверстка основных видов сырья»⁷⁹. Таким образом, была определена еще одна стратегическая линия в продовольственной политике. Декрет о натуральном налоге оказался фактически отброшенным⁸⁰. С крестьянских дворов опять потребовали не часть, а весь излишек сельхозпродукции. Продовольственная разверстка, введенная в январе 1919 г. в общегосударственном масштабе, становилась важнейшим элементом политики «военного коммунизма». Она установила единый порядок в заготовительной работе, вводила более жесткую систему для выкачивания из деревни хлеба и других продуктов, определяла точные сроки поставок и резко повышала ответственность сельского общества перед государством⁸¹.

Декрет отразил новый подход к определению количества хлеба, подлежащего обязательному отчуждению. Теперь Наркомпрод начал применять метод разверстки, «исходя из соображений системных потребностей в хлебе для республики, а не наличности излишков»⁸², а само понятие «излишек» становилось весьма относительным. К началу 1919 г. были отброшены нормы потребления, установленные для крестьянских хозяйств прошлым летом (12 пудов зерна и 1 пуд крупы на члена семьи в год, 18 пудов на лошадь, 9 пудов на голову крупного рогатого скота, 3 пуда — на молодой рогатый скот), не говоря уже об обещанных декретом натуральном налоге 16 пудах на едока в год. Государство решило теперь более жестко регулировать потребление продовольствия в крестьянских дворах. Заготовка продуктов на основе купли-продажи, или так называемого самотека, отменялась. В докладе о заготовках 1919 г. на совещании Псковского губернского продовольственного совещания отмечалось, что «разверстка должна проводиться на все продукты, и прежний способ заготовки считается отжившим. Разверстка делается только на действительные излишки и один раз. А раз это так, то можно было бы сказать, что из-за отсутствия в Псковской губернии каких бы то ни было излишков продовольствия нельзя производить заготовки. Однако, учитывая сложность нынешнего политического момента, расстройств всех видов транспорта и невозможность Наркомпроду придти к нам на помощь, мы должны найти способ и возможность кормить своих рабочих и служащих. Из этого положения... мы должны, учтя по имеющимся сведениям все ресурсы губернии, заготовку продовольствия все таки производить»⁸³. Таким образом, продрозверстка производилась без учета наличия или отсутствия излишков. Народный комиссар по продовольствию А.Д. Цюрупа в одном из циркуляров разъяснял: «Крестьяне должны выполнять разверстку, ибо она есть возложенное на них государственное обязательство, а не их добрая воля»⁸⁴.

В одной из инструкций Наркомпрода разъяснялось, что в хозяйствах, имеющих излишки хлеба и вовремя его сдающих, следовало оставлять на каждого едока по 1 пуду

зерна на месяц. Для хозяйств, не имеющих излишков, норма потребления на каждого едока в месяц определялась в 25 фунтов за счет внутриселенного перераспределения. У злостных укрывателей хлеб рекомендовалось реквизировать, оставляя по 18 фунтов на едока в месяц, а для тех, кто продал излишки спекулянтам, – 12 фунтов. Так в военных условиях Советская власть стала определять понятие «излишков». Все количество хлеба и фуража, согласно ст. 4 декрета от 11 января 1919 г., подлежало отчуждению по твердым ценам к 15 июня 1919 г. Причем, 70 % требовалось сдать до 1 марта. Подчеркивалась строгая ответственность за укрывательство хлеба, вплоть до конфискации имущества и лишения свободы⁸⁵.

Серьезные изменения в систему продовольственных заготовок 1919 г. внес декрет СНК от 21 января 1919 г. «О заготовке продовольственных продуктов», в соответствии с которым продрозверстке подлежали следующие продукты питания: хлеб во всех видах, крупа и зернофураж, сахар и изделия из него, чай, соль, мясо, рыба, конопляное и подсолнечное масло, картофель и животные жиры⁸⁶. Перевозить означенные продукты крестьянам запрещалось, т. к. этим правом обладали только продовольственные органы. В список разверстываемых продуктов включались также овощи, мед, льняное семя, куриные яйца и фураж для скота. Так, по Псковской губернии разверсточная норма на один крестьянский двор составляла: 1 пуд капусты, 5 фунтов свеклы или брюквы, 3 фунта моркови, 2 фунта редьки, 5 фунтов огурцов и 1 фунт лука⁸⁷. Заготовка меда у крестьян предполагала обложение каждой колоды тремя фунтами, а с рамочного улья – 8 фунтов. Всего по губернии предполагалось собрать 3000 пудов меда. Заготовка мяса производилась путем отчуждения от населения 8 % рогатого скота, 25 % овец и 20 % свиней. Заготовка масленичных семян в Псковской губернии практически ничего не дала. Так, было собрано всего 4227 пудов семян, - при существующем наряде Наркомпрода в 348500 пудов. Такая разница в цифрах объясняется в первую очередь резким сокращением посевных площадей, отведенных под лен. В рамках разверстки масла и куриных яиц в губернии предполага-

лось заготовить 24487 пудов масла и 1539000 штук яиц⁸⁸. В целом, в Псковской губернии заготовка продовольствия проходила в крайне тяжелых условиях, и по ряду показателей не выполняла поставленных норм.

Как и ожидалось продовольственными органами, к зиме 1918–1919 гг. в Псковской губернии вновь остро встал продовольственный кризис и надвинулась очередная угроза голода. Большинство зерновых запасов были употреблены крестьянами к началу нового года. В связи с этим необходимо было вновь понижать потребительскую норму и твердо регулировать использование продовольствия в крестьянских хозяйствах. Еще 19 октября 1918 г. приказом Наркомпрода разрешалось снижать норму потребления до 18 фунтов в месяц на душу населения. Пользуясь такой возможностью, все население Псковской губернии было переведено на 20-ти фунтовую потребительскую норму, для чего продорганам было необходимо провести новый переучет зерновых запасов у крестьян. Приступив в январе – феврале 1919 г. к реализации декрета о продрозверстке, псковские продовольственные органы столкнулись с большими техническими трудностями. Многие продкомы, как оказалось, фактическими сведениями о наличии хлеба в волостях и деревнях не располагали. В некоторых волостных комитетах какая-либо документация по продовольственным заготовкам отсутствовала, все делалось «на память», в иных случаях учет хлеба ранее проводился «наглядно»⁸⁹. Отсутствие данных о количестве хлеба заставило продовольственные органы в феврале 1919 г. сформировать специальные комиссии по переучету наличного урожая 1918 г. непосредственно в крестьянских дворах. Началась полоса обысков. Выявленный у крестьян хлеб фиксировался, каждому домохозяйину определялась норма наряда, назначались сроки вывоза хлеба. Возмущенное обысками и угрозами, раздраженное вторжением в личное хозяйство различных учетчиков и ревизоров псковское крестьянство ответило сопротивлением. Тогда в ход были пущены реквизиционные отряды, жестко подавлявшие любое сопротивление. Все это вызывало очередную волну крестьянских восстаний в губернии. Так, если в январе 1919 г. в губер-

нии не было зафиксировано ни одного крестьянского мятежа или восстания, то первые же месяцы продовольственной разверстки сопровождались сильными крестьянскими волнениями, часто перераставшими в вооруженное сопротивление. Одним из наиболее крупных восстаний крестьян того времени можно считать февральское восстание в Новоржевском уезде⁹⁰. Все крестьянские волнения жестко и достаточно оперативно подавлялись отрядами Красной армии и ЧК, но в условиях ведения боевых действий на территории Псковской губернии Советская власть была вынуждена считаться с мнением крестьянства и проявлять максимальную осторожность в проведении продразверстки. Уже к лету 1919 г. продовольственные органы совершали значительно меньше вопиющих нарушений и перегибов, которые были допущены в прошлом году. Хотя нельзя сказать, что подобных моментов не было вовсе. В отчетах с мест продолжала поступать информация о недовольстве псковских крестьян различными злоупотреблениями и нарушениями законодательства со стороны советских работников⁹¹. В то же время в 1919 г. установился единый порядок в методах продовольственных заготовок, определились точные сроки поставок, значительно сократились случаи многократных реквизиций продовольствия из одной деревни. Стали решительнее пресекаться злоупотребления местных продработников и различных комиссаров. «Всякие произвольные реквизиции, то есть не опирающиеся на точные указания законов центральной власти, должны беспощадно пресекаться» – требовалось VIII съездом партии. В целом, продовольственные органы приобрели структурированный и четкий характер. Основные продовольственные запасы, реквизируемые по продразверстке, оставались в этих же населенных пунктах и перераспределялись между нуждающимися, в крайнем случае передавались в соседние деревни в пределах одной волости⁹².

В определенной мере стимулировал реализацию урожая 1919 г. товарообмен, утвержденный декретом от 5 августа 1919 г.⁹³ В соответствии с этим декретом «прием и выдача товаров происходила исключительно коллективами, то есть отдельными

сельскими обществами или волостями. Не допускался единоличный обмен во избежание обогащения зажиточных крестьян. Промышленные товары выдавались только при условии выполнения разверстки сельским обществом не менее чем на 70 %, что способствовало формированию системы коллективной ответственности и круговой поруки крестьян. Советская власть в этом деле сформулировала следующую формулу: «имеешь излишки – сдай их государству; не имеешь – содействуй сдаче излишков зажиточными домохозяевами». Только выполнение всем сельским обществом положенной части разверстки давало крестьянам возможность получить товары по твердым ценам. Лица же, не имевшие излишков, получали право на получение причитающихся продуктов наравне с другими. В связи с таким подходом многие зажиточные крестьяне отказывались принимать участие в товарообмене. М.И. Фрумкин, отвечавший за товарообмен всей Советской республики, вспоминал: «Состоятельные крестьяне во многих местах рвали квитанции или производительно использовали их на сигарки, приговаривая, «если нам товары не достаются, то пусть и эти лодыри ничего не получают»⁹⁴. Но подобные случаи, скорее всего, являлись индивидуальной формой протеста и не имели систематического проявления, т. к. крестьяне в условиях отсутствия свободной торговли остро нуждались в различных промышленных товарах. Всего на нужды товарообмена Псковской губернии было выделено следующее количество мануфактуры: хлопчатобумажных тканей – 1045 аршин, суконных и шерстяных – 148400, льняных – 223500, шелковых – 65500, а так же 864 гросс- ниток⁹⁵.

В целях повышения реквизиционных показателей и увеличения поставок продовольствия из крестьянских хозяйств, Наркомпрод в мае 1919 г. ввел премиальную систему. За каждый пуд хлеба (сданного свыше обязательного) крестьянину индивидуально выдавалось полфунта сахара или соли, а иногда оплачивалось мануфактурой. Например, крестьянам Новоржевского уезда предлагалось сдавать излишки овощей в местное Общество потребителей в обмен на фиксированное денежное вознаграждение⁹⁶.

Сам по себе данный принцип поощрения не соответствовал классовому подходу Советской власти, т. к. во многом реализовывал интересы зажиточных крестьян, а поэтому далеко не всегда находил поддержку у местных советских работников. С другой стороны, Псковская губерния не располагала достаточным количеством денежных средств или промтоваров для стимулирования разверстки. Так, в докладной записке Псковского комиссариата продовольствия в СНК отмечалось, что «...при общем финансовом кризисе отделу снабжения Псковского губисполкома крайне трудно и почти невозможно вести дело снабжения населения хлебом. Отсутствие денег в кассе мешает возможности начать новые закупки хлеба»⁹⁷. Более того, летом – осенью 1919 г. значительная часть Псковской губернии контролировалась Белой Северо-Западной армией или «зелеными» повстанческими отрядами, в результате чего продразверстку Советская власть могла проводить на весьма ограниченной территории. В сложившейся ситуации органы власти были вынуждены по-прежнему прибегать к жестким мерам изъятия «излишков» у крестьян, используя вооруженную силу продовольственных отрядов. «Одно присутствие вооруженных [отрядов] на сельских сходах заставляло кулаков, задававших обычно тон, молчать или вовсе не являться на сходы» – вспоминал уполномоченный Наркомпрода⁹⁸. Тем более, что центральная власть призывала к более жестким мерам в области продовольственной политики. В служебной телеграмме за подписью В.И. Ленина и А.Д. Цурюпы во все губисполкомы от 30 сентября 1919 г. отмечалось: «Не ждите самотека, делайте нажим, принуждайте к сдаче систематически, неуклонно употребляйте в дело продармию, в случаях особого упорства, прямого отказа применяйте самые суровые меры; прибегая к последнему, будьте осторожны, осмотрительны, строго учтите все обстоятельства, предъявивши угрозу и... решившись действовать, не допускайте колебаний, идете до конца, нанося сокрушительный удар быстро и безошибочно»⁹⁹.

Механизм продовольственной разверстки урожая 1919 г. был следующим. Псковский губернский продовольственный

комиссариат, получив задание для губернии и исходя из имеющихся данных о размере посевов и численности населения, определял разверстку по уездам. Прежде чем распределять норму разверстки по волостям, уездные продкомы стремились выявить излишки продуктов в сельских обществах; создавались специальные комиссии из представителей Советов, сельских граждан, с участием уполномоченных губернских или уездных партийных и продовольственных органов. Эти комиссии проводили пробные обмолоты в каждой волости (иногда в различных деревнях), на основании которых определялась средняя урожайность по волостям и отдельным селениям. Данные об урожайности, размер посевов и численность населения ложились в основу разверстки по волостям и конкретным деревням. Иногда при определении размера разверстки крестьяне выступали за введение подесятинной нормы. Такая раскладка соответствовала интересам состоятельных крестьян, т. к. выполнить ее было легче, тем более в сознании крестьянства такая раскладка еще со времен общины воспринималась наиболее справедливой. Имели место и другие варианты раскладки продовольственной разверстки: по дворам или по душам, и это при сохранении круговой поруки при выполнении разверстки деревней. При осуществлении разверстки хлеб в первую очередь брали у зажиточных крестьян, но когда нормы не выполнялись (а в Псковской губернии эта ситуация была повсеместна), то в нее включались хозяйства среднего достатка. Если и этого оказывалось недостаточно для выполнения задания, брали и у бедняков¹⁰⁰. На деревенских сходах, после «споров до хрипоты», как вспоминал один из сотрудников продаппарата, крестьяне, после уточнений и корректировок, разверстывали задание по дворам – то есть всем миром решали этот непростой вопрос. Нередко при разверстании по дворам дело доходило до потасовок между односельчанами. Известный исследователь деревни тех лет А.М. Большаков так описывает проведение крестьянских сходов: «В селениях сход домохозяев определял, кому из домохозяев и сколько надо было платить. Так как все были связаны общей ответственностью, круговой порукой, и ни-

какие скидки с определенного в разверстку не полагались, то сходы были чрезвычайно шумливы, иногда даже кончались дракой; всякому хотелось заплатить возможно меньше, но тогда сосед должен был платить больше. Учитывали друг друга до тонкости»¹⁰¹.

В целом же продовольственная разверстка урожая 1919 г. в Псковской губернии прошла относительно спокойно. Крестьяне, разочаровавшиеся в политике Белого Северо-Западного правительства, и в частности правления С.Н. Булак-Балаховича, совершенно справедливо опасались реставрации старого режима и были готовы более тесно сотрудничать с Советской властью. С другой стороны, в связи с острым недостатком продовольствия в Псковской губернии нормы разверстки были невелики, и зачастую разверстка проводилась не по сбору хлеба, а других продуктов питания и фуража. В докладе о заготовках отмечалось: «Констатируя, что изъятие излишков хлебов невозможно, мы используем другой способ заготовки – натуральную плату за каждый помольный [на мельницах] пуд». Так, например в Туровецкой волости Островского уезда таким образом было собрано 4963 пуда, в Мясовской – 750 пудов. Зато в Прокшинской волости того же уезда зерно не изымалось вовсе. Но в целом 4-х фунтовый сбор практически не увенчался успехом, т. к. многие крестьяне, имея ручные жернова и не желая платить налог, перемалывали зерно дома. Да и сам сбор проводился в жизнь крайне непоследовательно: то устанавливался на мельницах, то налагался на урожайный пуд, оставленный населению»¹⁰².

Продовольственная работа Советской власти в 1920 г. сохранила все методы, используемые ею в предыдущие годы, но значительно улучшилось качество работы продовольственных органов. Претерпел некоторые изменения и список разверстываемых продуктов, теперь государственная монополия стала распространяться практически на все продукты питания и сельскохозяйственной продукции. На учет были взяты не только посевные площади крестьян, но и пасеки, сады и огороды. Такое расширение государственной монополии на продовольствие было связано в первую очередь с увеличением чис-

ленности Красной армии, которая к концу 1919 г. составляла 3000 000 чел., а осенью 1920 г. – 5 500 000 чел.¹⁰³

Разверстка и заготовка продовольствия в 1920 г. проходила в Псковской губернии намного спокойнее и планомернее, чем в предыдущие годы, чему способствовало окончательное и повсеместное утверждение Советской власти на местах, укрепление самого местного аппарата продовольствия. Увеличилось и количество ссыпных пунктов – с 27 до 40 по губернии – с тем расчетом, чтобы они могли вместить до 1 млн. пудов зерна. Более эффективными стали и методы анкетирования крестьянских хозяйств, а подворный учет хлебных запасов, вызывавший большую неприязнь у крестьянства, теперь запрещался. При определении разверстки на каждый двор теперь в большей степени учитывалось экономическое состояние хозяйства, в том числе его внеземледельческие доходы. Причем при исчислении разверстки со двора за основу размера посевных площадей брали данные двух предшествующих лет. К осуществлению подворной разверсточной раскладки и контролю за ее выполнением все чаще стали привлекаться сельские Советы, действовавшие совместно с представителями продорганов. Деревня разбивалась на участки, пяти-и десятидворки с сельскими активистами во главе, определялась точная цифра наряда. Советская власть по-прежнему добивалась коллективной ответственности сельского общества за выполнение поставок государству. В 1920 г. снижались и сроки заготовки продовольствия. Если в прошлом году разверстка проходила в четыре этапа и затянулась до 15 июня 1920 г., то теперь урожай текущего года было решено собрать к концу осени. Вводились ежедневные оперативные доклады заготовительных контор о ходе ссыпки за каждую декаду отдельно по волостям и обществам, что, несомненно, способствовало более четкой организации разверсточной кампании»¹⁰⁴.

В 1920 г. Псковская губерния по-прежнему нуждалась в привозе значительного количества хлеба из других районов, ситуация была усугублена еще и тем, что текущий год был признан малоурожайным, а количество посевных площадей у крестьян резко

сократилось. К тому же многие крестьянские хозяйства были разорены и сильно пострадали от военных действий 1919 г. Учитывая специфику региона, местные органы власти следили за тем, чтобы реквизируемый хлеб в своей массе распределялся для нужд местного населения, и не вывозился за пределы губернии¹⁰⁵. Как и в предыдущем году, для сбора хлебных запасов использовался единовременный 4-х фунтовый сбор с каждого помолотого на мельнице пуда зерна. В целом продовольственная разверстка на зерно и другие продукты питания в 1920 г. продолжала оставаться достаточно тяжелым бременем для псковского крестьянства, тем более, что по Псковской губернии ее размер был выше, чем в соседних губерниях. Так, если средний размер продразверстки в потребляющей полосе, согласно данным бюджетов за 1920/21 гг., составлял 8,4 %, то в Псковской губернии он равнялся 9,4 %, что в значительной мере превышало размер разверстки Иваново-Вознесенской и Северо-Двинской губерний, в которых она составляла 3,9 % и 6,7 % соответственно. Даже в соседней Новгородской губернии, где численность населения была примерно такой же, как и в Псковской, разверстка составила 9 %¹⁰⁶.

Наиболее активно производилась в губернии разверстка на мясо и овощи. Так, исходя из хозяйственных условий и принципов вывода скота из хозяйства крестьян, разверстка выполнялась по четвертям года: январь – март – 15 %, апрель – июнь – 10 %, июль – сентябрь – 15 %, октябрь – декабрь – 55 %. В разверсточных планах и инструкциях продорганам обращалось внимание на заготовку скота в первую очередь в осенние месяцы, когда скот находился в хорошем состоянии и когда по естественным условиям вывода скота, можно было рассчитывать на успешное его отчуждение. В этот сезон, отмечалось в задачах разверстки, необходимо было заготовить не менее 70 % относительно годовой нормы, и не только покрыть наряды на мясо и сало, даваемые центральными органами, но и запасти продукты впрок. Для этих целей в каждом уездном продкоме создавался специальный оборудованный ледник. При невыполнении поставок мяса в поставленный срок назначались новые сроки, но при

этом реквизиции у крестьян производились с оплатой только 85 % стоимости продукта относительно твердых цен. В случае отказа выполнять разверстку или подстрекательстве к протесту, виновные подвергались суду революционного трибунала¹⁰⁷. Всего в соответствии с планами разверстки по Псковской губернии подлежало заготовить: 119559 пудов мяса и 2241 пуд говядины, 103997 пудов баранины и 50741 пуд свинины. Введенная декретом СНК от 20 июня 1920 г. обязательная поставка домашней птицы исходила из расчета: полфунта живого веса с десятины посевной площади. Хозяйства, не имевшие посева, сдавали по три фунта живого веса с каждого десятка кур, что дало 4809 пудов мяса¹⁰⁸. Разверстка картофеля в 1920 г. производилась одновременно по дворам и едокам с учетом специальных разверсточных коэффициентов (правда, псковские продорганы не обладали данными за текущий год и использовали данные 1919 г., которые могли существенно измениться). Исходя из средних показателей, задачи продразверстки на картофель в 1920 г. по уездам выразились в следующих цифрах:

Название уезда	Разверсточная норма в пуд.
Псковский	124412
Островский	90484
Опочецкий	77640
Новоржевский	68874
Великолукский	90858
Торопецкий	71674
Холмский	60520
Порховский	112192
Всего по губернии	697654

К тому же, уездным продкомам необходимо было собрать по губернии 500000 пудов семенного картофеля и обеспечить его сохранность до следующего года.

Декретом Совнаркома от 23 марта 1920 г. устанавливались следующие нормы поставок масла для немаслодельческих районов – три фунт топленого масла с каждой коровы. Фунт масла можно было заменить ведром молока. Заготовительная цена на молоко и масло, установленная Наркомпродом, составляла 2400 руб. за пуд масла и 144 руб.

– пуд молока. При разверстке на яйца крестьяне должны были сдавать по 4 куриных яиц с десятины посева. Так как посевная площадь в губернии на 1919 г. исчислялась в 384798 десятин, яичная повинность должна была дать 1539192 шт. яиц. Окончательный срок для сдачи яиц устанавливался до 15 августа¹⁰⁹.

Согласно опубликованного в Известиях ВЦИК декрета об обязательной поставке меда, Псковский губпродком разверстал 3146 пудов 29 фунтов меда по губернии¹¹⁰. Осенью 1920 г. во всех северных губерниях была введена разверстка на сбор ягод (в первую очередь клюквы) и грибов из расчета по пять фунтов на хлебороба. Эти продукты в первую очередь предназначались для нужд больниц, лазаретов и организации детского питания. Но рыночные цены на ягодно-грибную продукцию были в десятки раз выше, чем закупочные, в связи с чем псковские крестьяне практически проигнорировали этот вид разверстки, о чем докладывал на совещании заведующий ягодно-овощным подделом Пирогов (инициалы отсутствуют). Заготовка ягод в 1920 г. была произведена исключительно в совхозах, коммунах и артелях¹¹¹. Подворное обложение применялось псковскими продовольственными органами при осуществлении разверстки овощей. Так, на один крестьянский двор приходилось: капусты – 1 пуд, свеклы – 5 фунтов, моркови – 3 фунта, редьки – 2 фунта, огурцов – 5 фунтов и луку – 1 фунт. Разверстка в губернском масштабе выразилась в следующих цифрах: капусты – 210400 пуд., лука – 4829 пуд., свеклы – 25040 пуд., моркови – 14475 пуд., огурцов – 25040 пуд. По уездам Псковской губернии овощную разверстку 1920 г. можно рассмотреть в таблице¹¹²:

В соответствии с разверсточными нормами, реквизиции подлежали запасы сена. Так, на Псковскую губернию возлагалась разверстка в 2 млн. пудов сена (столько же, как и в прошлом году). В инструкциях по заготовке сена и прочего фуража отмечалось, чтобы продовольственные органы всячески учитывали экономическую мощьность крестьянских хозяйств на местах и стремились освободить от разверстки наиболее беднейшее население, а также семьи красноармейцев и многосемейные хозяйства (свыше пяти человек при одной корове). Каждому крестьянину выдавалось специальное удостоверение, заверенное председателем сельсовета о количестве причитающегося с него сена, с указанием места и время сдачи. В этих удостоверениях соответствующими сенопунктами делались отметки о времени и количестве сданных продуктов в целях быстрой проверки у крестьян выполненной ими разверстки. Выполнение сенной разверстки проводилось в несколько этапов: до декабря псковским крестьянам необходимо было сдать 30 %, к началу февраля - еще 50 % и к 20 апреля - всю остальную часть сена. Разверстки на солому для Псковской губернии Наркомпрод не присылал ни разу, но местные заготовительные органы в 1920 г. назначили 50000 пуд. ржаной и 150000 пуд. яровой соломы для внутренних нужд.

Говоря о системе продовольственных заготовок в годы Гражданской войны, необходимо отдельно обратиться к системе военно-продовольственных заготовок, т. к. на протяжении всего периода 1917 – 1920 гг. Псковская губерния представляла собой фронтную или прифронтную территорию, на которой располагалось значительное коли-

Название уезда	Разверстываемые овощи (в пуд.)						
	капуста	лук	свекла	морковь	брюква	огурцы	редька
Псковский	50000	742	3710	2220	3710	3710	1480
Островский	26500	637	3185	1910	3185	3185	1270
Опочецкий	21060	547	2725	1635	2725	2725	1090
Новоржевский	17600	515	2575	1545	2575	2575	1030
Великолукский	26400	660	3300	1980	3300	3300	1320
Торопецкий	14300	458	2290	1375	2290	2290	900
Холмский	16200	425	2125	1275	2125	2125	850
Порховский	30800	846	4230	2535	4230	4230	1690

чество войсковых команд и подразделений. На первых этапах существования Красной армии существовала полная неопределенность и бессистемность в деле снабжения ее предметами продовольствия, в результате чего красноармейцы были вынуждены существовать фактически на самообеспечении. В письмах домой красноармейцы отмечали: «Очень голодно, сижу на порции $\frac{1}{2}$ фунта хлеба, который к тому же не допекают. Приварка нет никакого, все продано», «Очень голодно, пища плохая, иной день совсем не дают». В результате этого красноармейцы с середины 1918 г. стали активно прибегать к самостоятельным и несанкционированным реквизициям продовольствия у местного населения. В штаб Красной армии постоянно поступали заявления от псковских крестьян с жалобами на красноармейские реквизиции и обыски¹¹³, вследствие чего уже со второй половины 1918 г. остро встал вопрос о создании специального органа, ведавшего делом снабжения армии. Такой организацией стала Центральная комиссия по продовольственному снабжению армии (Цекомпродарм), сформированная по постановлению Совнаркома от 14 сентября 1918 г. Цекомпродарм представлял собой совместный орган Наркомпрода и военного ведомства. Его местными органами являлись фронтовые и армейские комиссии (опродкомов). Охарактеризовать работу местных опродкомов того времени достаточно сложно из-за крайней пестроты в их структуре, методах работы, взаимоотношениях с другими учреждениями. С введением фронтовых и армейских комиссий в Псковской губернии военные заготовки приобрели некое подобие законности, но это не изменило их сути. На протяжении второй половины 1918 и всего 1919 гг. реквизиции продовольствия у крестьян производились достаточно хаотично и случайно¹¹⁴. Уездный продкомиссар по Опочецкому уезду Бойцов отмечал, что «уезд подвергся большим опустошениям ввиду того, что в нем было много расположено частей. Агенты воинских опродкомов допускали много ошибок. Дело доходило до кровопролития, и во время заготовок в прифронтовой полосе Опочецкого уезда было убито два агента-продовольственника»¹¹⁵.

В области организации снабжения военные продовольственные органы прошли три этапа своего становления. Первый период – до сентября 1918 г., характеризуется фактическим отсутствием системы как таковой. Во второй период, длящийся до середины 1920 г., дело снабжения армии приобрело систематический план, подчиненный общегосударственному. Но в тоже время в этот период самостоятельные заготовки и трофеи продолжали играть большое значение. Представитель псковских опродкомов Шелковской отмечал, что в условиях военной обстановки 1919 г. приходилось не считаться ни с какой обстановкой. «При наступлении и тем более отступлении в первую очередь приходилось заботиться о том, чтобы сыскать средства для продовольствия армии. Ясно, что когда оставляешь район с продовольствием для неприятеля, – отмечал Шелковской – то не приходится считаться ни с какими нормами, а берется все то, что можно и нужно взять». Далее он пояснял, что «когда не было опродкомов, то части брали продовольствие без всякой системы и зачастую с одной и той же деревни, одного и того же крестьянина несколько частей в одно и то же время, и корову и свинью и барана, не заботясь ни об учете, ни о сообщении продорганам, так как в горячей боевой обстановке об этом думать не приходилось»¹¹⁶. И только со второй половины 1920 г. в деле военно-продовольственных заготовок начался третий этап, характеризующийся плановым получением продовольствия по нарядам от гражданских продорганов. Активность опродкомов стала падать, а Псковский губернский комиссариат продовольствия ходатайствовал об исключении Псковского уезда из прифронтовой полосы, где применялись военные заготовки, и сокращении таковой полосы до 25 верст по линии фронта в Островском и Опочецком уездах, что в дальнейшем и было удовлетворено. К концу 1920 г. на территории всей Псковской губернии продовольственные заготовки окончательно перешли в руки гражданских органов.

В целом к продовольственной разверстке 1920 г., несмотря на ее многоплановость, псковское крестьянство отнеслось достаточно сдержанно и чаще всего выполняло без ка-

ких либо эксцессов. В то время, когда в ряде других губерний России, и в первую очередь на Тамбовщине, разворачивались масштабные крестьянские войны, в Псковской губернии уже налаживалась мирная жизнь, возрождалось крестьянское хозяйство. На протяжении всего 1920 г. не было отмечено ни одного значимого вооруженного восстания крестьян на почве недовольства продразверсткой. С одной стороны, сказалась усталость самого крестьянства от постоянных и разорительных войн, а с другой изменился и сам подход продовольственно-заготовительных органов, члены которых постепенно отказывались от революционно-радикальных методов выколачивания продовольствия. Формирование благожелательного отношения крестьян к продовольственной политике власти стало одной из главных задач местных советских работников. Выступая перед продовольственными работниками в августе 1920 г., А.Г. Шлихтер отмечал: «Как ни важна задача получить хлеб из деревни, не менее важной остается общесоветское воспитание масс. Результаты его окажутся неизмеримо громадными даже сравнительно с миллионами пудов хлеба... Если к крестьянству будет проявлено внимание, уважение к его личности, если он увидит, что продработники действуют бескорыстно и только в интересах государства, то как бы то ни были мы суровы и беспощадны, осуществляя хлебную разверстку, крестьянин будет видеть, что такое поведение вызывается выполнением служебного долга, а не злой волей продагентов Советской власти, и в конце концов научится подчиняться принудительной разверстке»¹¹⁷. Изменению отношения крестьян к Советской власти способствовала разноплановая деятельность госорганов по оказанию помощи деревне: выделение семенного фонда, предоставление беднейшим и средним крестьянам льгот по снабжению лесом, открытие ремонтных мастерских, помощь семьям красноармейцев и другие проявления патернализма. В 1920 г. стали проводиться «недели крестьянина» – систематические мероприятия, направленные на оказание помощи селу¹¹⁸.

Но в то же время социальная напряженность на селе в 1920 г. продолжала оставаться весьма высокой. По-прежнему допускались

нарушения в деле продовольственных реквизициях, особенно в прифронтовой полосе. В письмах крестьян красноармейцам продолжали отмечаться подобные случаи: «у нас вторично реквизировали скот, свиней отбирают тоже», жаловались крестьяне и на то, что при реквизициях, продагенты не поясняли декретов и распоряжений правительства – «брали все силой». Недовольство крестьян продовольственной политикой Советов в 1920 г. доказывает и тот факт, что достаточно часто псковское крестьянство весьма лояльно относилось к различного рода бандитским и диверсионно-террористическим отрядам, приходящим из Латвии и Польши¹¹⁹. И если псковские крестьяне не вступали в эти отряды (а такие случаи также были распространены), то не препятствовали таковым и своевременно не доносили об их появлении советским органам.

Продовольственная разверстка и в целом политика «военного коммунизма» на селе позволила Советской власти, пусть и радикальными мерами, решить проблему голода и обеспечить города и Красную армию продовольствием. Но в то же время разверстка вызвала в русской деревне множество далеко идущих проблем. За годы деятельности комбедов и продотрядов сильно пострадал выход товарной части зерна, т. к. был нанесен сильный удар по состоятельному крестьянству, которое до революции поставляло на рынок России до 45 % всего товарного зерна¹²⁰. Большинство этих крестьянских хозяйств были ослаблены или вовсе разорены за годы Гражданской войны и превратились в середняцкие. К тому же продовольственная диктатура и система продразверсток разрушали сами производительные силы в деревне и способствовали резкому сокращению посевных площадей, т. к. у крестьян отнимался экономический и материальный стимул к увеличению сельскохозяйственного производства. Крестьяне элементарно не стремились производить продукцию, которая у них практически отбиралась, именно поэтому, начиная с 1919 г. они нередко отказывались убирать собственный урожай с полей. В связи с этим В.И. Ленин на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. заявил: «На экономическом фронте мы к

весне 1921 г. потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским»¹²¹. Завершая гражданскую войну и осознавая серьезные последствия политики «военного коммунизма», Советская власть была вынуждена отказаться от его методов «непосредственного перехода к коммунистическому производству и распре-

делению» и перейти к принципиально новым формам и принципам хозяйствования. Декретом ВЦИК от 21 марта 1921 г. продразвёрстка была отменена и заменена натуральным продналогом, который был примерно вдвое ниже развёрстки¹²². Советская страна переходила к новой экономической политике и принципиально иным методам регулирования экономики, в том числе и в аграрном секторе.

Примечания

- 1 Из доклада о хлебной монополии на губернском продовольственном съезде 23–25 августа 1917 г. // Вестник Псковского губернского земства и продовольственного комитета. 1917. № 9–12. С. 11; Изменение норм потребления хлебных продуктов // Вестник Псковского губернского земства и продовольственного комитета. 1917. № 15–16. С. 6.
- 2 Из отчета о ходе продовольственного дела в Псковской губернии с сентября по декабрь 1917 г. // Вестник Псковского губернского земства и продовольственного комитета. 1918. № 1–3. С. 24.
- 3 Псковский набат. 1920. 16 октября; ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 24. Л. 12.
- 4 ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 7. Д. 105. Л. 7; ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 4. Л. 54.
- 5 ГАПО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 14. Л. 140; Ф. Р-745. Оп. 1. Д. 19. Л. 15.
- 6 ЦГА СПб. Ф. 8957. Оп. 1. Д. 5. Л. 4; ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 174. Л. 2, 19, 21, 54, 67, 69, 107, 118, 119; Псковский вестник. 1918. 7 июля.
- 7 ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 24. Л. 22, 24; Молодой ленинец. 1962. 7 ноября.
- 8 ГАНИПО. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 4. Л. 8; Псковский набат. 1919. 16 мая.
- 9 ЦГА. Ф. 8957. Оп. 1. Д. 5. Л. 16; ГАНИПО. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.
- 10 ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 45. Л. 43.
- 11 ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 3. Д. 132. Л. 143, 152, 159; Огановский Н.П. Прошлое и настоящее земельного вопроса. Пг., 1917. С. 94, 95.
- 12 ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 174. Д. 2, 19 об., 21, 54, 67–69, 107, 118–119; Д. 67. Л. 14.
- 13 Орлов Н. Продовольственная работа Советской власти. М., 1918. С. 42–43.
- 14 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 361–362, 405.
- 15 Орлов Н. Система продовольственных заготовок. К оценке заготовительных экспедиций А.Т. Шлихтера. Тамбов, 1920. С. 27.
- 16 Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. (Окт. 1917 г. – июнь 1920 г.) М., 1920. № 35. С. 468, № 38. С. 498; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 314.
- 17 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 86.
- 18 Цитата по: Андреев В.М., Жиркова Т.М. На перекрестках лет и событий. Деревня 1917–1930 гг. Коломна, 2003. С. 68.
- 19 ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 26. Л. 19, 19 об.
- 20 Климин И.И. Российское крестьянство в годы Гражданской войны. СПб., 2004. С. 137–138.
- 21 ГАПО. Ф. Р-694. Оп. 1. Д. 5. Л. 28.
- 22 ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 9. Л. 47, 47 об.
- 23 Цитата по: Андреев В.М. Под знаменем пролетариата. Трудовое крестьянство в годы Гражданской войны. С. 34.
- 24 ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 7. Д. 105. Л. 8; Ф. 142. Оп. 8. Д. 63. Л. 19.
- 25 При произведении расчетов потребительской нормы на душу населения, один пуд всякого зерна приравнивался к $\frac{9}{10}$ пуда муки и $\frac{2}{3}$ пуда крупы. Один пуд картофеля соответствовал $6\frac{2}{3}$ фунта муки. (ГАПО. Ф. Р-694. Оп. 1. Д. 5. Л. 29).
- 26 ГАПО. Ф. Р-694. Оп. 1. Д. 5. Л. 28.
- 27 ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 73. Л. 40; Ф. Р-694. Оп. 1. Д. 5. Л. 28.
- 28 Винокур Л. Продорганы республики // На новых путях (работа продовольственных органов). М., 1923. С. 43; Известия ВЦИК. 1919. 3 августа.
- 29 Там же. Д. 5. Л. 102.
- 30 Общий доклад о заготовках // Протокол Псковского губернского продовольственного совещания.

- Псков, 1920. С. 10.
- 31 ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 2. Д. 205. Л. 3; ГАПО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 20. Л. 7; ГАНИПО. Ф. 1798. Оп. 1. Д. 4. Л. 66; Ф. 5713. Оп. 1. Д. 99. Л. 3.
- 32 В данном случае продотряды дублировали функцию волостных учетно-реквизиционных отрядов губернского продовольственного комиссариата.
- 33 Свидерский А. Продовольственная политика Советской власти // Второй год борьбы с голодом. Краткий отчет о деятельности Народного Комиссариата по продовольствию за 1918 – 1919 гг. М., 1919. С. VII.
- 34 Орлов Н. Продовольственная работа Советской власти. С. 85.
- 35 ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 67. Л. 67–68.
- 36 Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 379–381; Декреты по продовольствию: Сборник руководящих основных декретов, постановлений и распоряжений. С октября 1917 г. по 1 ноября 1918 г. Вып. 1. Ч. 1. Пг., 1918. С. 39.
- 37 Дмитренко В.П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. М., 1986. С.110.
- 38 Солоухин В. Читая Ленина. Frankfurt a.M., 1989. 44 с. // Электронная библиотека // http://bookz.ru/authors/solouhin-vladimir/vi_lenin/1-vi_lenin.html (дата обращения: 20.03.2012 г.).
- 39 Каждый продовольственный отряд должен был состоять не менее как из 75 человек при 2–3 пулеметах (Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922 г. С. 124).
- 40 ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 2. Д. 55. Л. 10; Ф. 142. Оп. 2. Д. 205. Л. 3; ГАНИПО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.
- 41 Цитата по: Калкин О.А. На мятежных рубежах России. Очерки о псковичах-участниках Белого движения на Северо-Западе в 1918–1922 гг. Псков, 2003. С. 61.
- 42 ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 169. Л. 68–69.
- 43 Там же. Д. 169. Л. 86.
- 44 Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. С. 123.
- 45 Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? Пг., 1918. – 40 с.
- 46 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 144–145.
- 47 Цитата по: Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии. М., 2001. // http://www.goldentime.ru/nbk_03.htm (дата обращения: 14.03.2012 г.).
- 48 Корявцев П.М. «Батяка»: история одного предателя. СПб., 2007. // Псковская держава. Краеведческий архив. <http://www.derjavapkov.ru/cat/cattema/catcattemaall/catcattemaallb/catcattemaallbbulach/3201/> (дата обращения: 12.03.2012 г.); Кручинин А. Батяка (Булак-Балахович) и его сынки // Псковская держава. Краеведческий архив. <http://www.derjavapkov.ru/cat/cattema/catcattemaall/catcattemaallb/catcattemaallbbulach/3504/> (дата обращения: 12.03.2012 г.).
- 49 ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 38. Л. 104 об.
- 50 Орлов Н. Продовольственная работа Советской власти. С. 27.
- 51 ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 110. Л. 20.
- 52 ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 8. Д. 63. Л. 2–21; ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 38. Л. 71–76.
- 53 ЦГА СПб. Ф. 8957. Оп. 1. Д. 27. Л. 50.
- 54 ГАПО. Ф. Р-694. Оп. 1. Д. 5. Л. 102; Ф. 142. Оп. 9. Д. 114. Л. 77, 80, 91.
- 55 Псковский набат. 1919. 16 мая; ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 8. Д. 63. Л. 19.
- 56 Андреев В.М., Жиркова Т.М. На перекрестках лет и событий. Деревня 1917 – 1930 гг. С. 71.
- 57 Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. (Окт. 1917 г. – июнь 1920 г.) № 64. С. 707.
- 58 ГАПО. Ф. Р. 590. Оп. 1. Д. 73. Л. 7–8, 57
- 59 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 32.
- 60 Соколов Е.Н. Первый советский натуральный налог на крестьянство (1918–1920 гг.) // Российская история. 2011. № 7. С. 82.
- 61 Декреты Советской власти. Т. 3. С. 470–473; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. (Окт. 1917 г. – июнь 1920 г.) № 82. С. 864.
- 62 Расчеты по обложению налогом должны были производиться таким образом, чтобы на местах заранее освобождались от налога до 45 % наиболее беднейших хозяев, а средние слои деревни, излишек у которых превышал не более чем в два раза собственное потребление, должны были отдавать государству не более $\frac{1}{10}$ этого излишка. Чем выше был излишек в хозяйстве, тем выше поднимался процент налога – до $\frac{1}{3}$ излишка (Андреев В.М. Под знаменем пролетариата. Трудовое крестьянство в годы

- Гражданской войны. С. 40).
- 63 ГАПО. Ф. Р-647. Оп. 1. Д. 47. Л. 9; Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. М., 1919. С. 20–21.
- 64 ГАПО. Ф. Р-647. Оп. 1. Д. 47. Л. 7, 23; 5–6.
- 65 Декреты Советской власти. Т. 4. С. 247–249.
- 66 Соколов Е.Н. Первый советский натуральный налог на крестьянство (1918–1920 гг.) // Российская история. 2011. № 7. С. 82–84; Оболенский Л. «Натуральный налог» и поставка его взимания // Известия народного комиссариата финансов. 1919. № 7. С. 2.
- 67 Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть: 1917–1921 гг. СПб., 2002. С. 237.
- 68 Моя газета. 1918. 17 Июля.
- 69 Моя газета. 1918. 19 Июля; Псковский вестник. 1918. 1 июля.
- 70 Непогасимое пламя. 1918. 7 апреля.
- * В соответствии с мерами того времени, четверть составляла 8,5 пудов зерна или 6,8 пудов муки. (Милов Л. Парадокс хлебных цен и характер аграрного рынка в России XIX в. // http://scepsis.ru/library/id_1270.html (дата обращения: 21.04.2011 г.).
- 72 Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть: 1917 – 1921 гг. С. 243.
- 73 ГАПО. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 51. Л. 20 об., 21; Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 68. Л. 86; Ф. Р-530. Д. 10. Л. 3, 3 об.; Д. 11. Л. 1, 1 об.; Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 6. Л. 129.
- 74 ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 68. Л. 86; Комитеты деревенской бедноты Северной области. С. 144.
- 75 Комитеты деревенской бедноты Северной области. С. 151.
- 76 Там же. С. 130.
- 77 Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть: 1917–1921 гг. С. 257.
- 78 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 30.
- 79 Три года борьбы с голодом. Краткий отчет о деятельности Народного комиссариата по продовольствию за 1919 – 1920 гг. М., 1920. С. 15.
- 80 Юридически натуральный налог на крестьянство просуществовал до 3 февраля 1921 г., когда ВЦИК приостановил взимание всех налогов. Немного ранее, по инициативе В.И. Ленина, был подготовлен проект превращения продовольственной разверстки в натуральный налог, в результате чего принципы натурального обложения легли в основу продовольственного налога 1921 г., что и стало символом перехода Советской власти к НЕПу. (Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). М., 1928. С. 56; Соколов Е.Н. Первый советский натуральный налог на крестьянство (1918 – 1920 гг.) // Российская история. 2011. № 7. С. 91).
- 81 Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. (Окт. 1917 г. – июнь 1920 г.) № 1. С. 10; Андреев В.М., Жиркова Т.М. На перекрестках лет и событий. Деревня 1917 – 1930 гг. С. 72.
- 82 Орлов Н. Система продовольственных заготовок. Тамбов, 1920. С. IV.
- 83 Общий доклад о заготовках // Протокол Псковского губернского продовольственного совещания. С. 11.
- 84 Бюллетень Народного Комиссариата продовольствия. 1920. № 45. 23 марта.
- 85 ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 6, 7.
- 86 ГАПО. Ф. Р-694. Оп. 1. Д. 5. Л. 27; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. (Окт. 1917 г. – июнь 1920 г.) № 1. С. 13.
- 87 ГАНИПО. Ф. 5713. Оп. 1. Д. 34; Ф. 128. Оп. 1. Д. 9. Л. 232.
- 88 В ряде хозяйств Псковской губернии посевы льна сократились на $\frac{2}{3}$. Общий доклад о заготовках // Протокол Псковского губернского продовольственного совещания. С. 12, 14.
- 89 ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 107. Л. 1–2; Д. 110. Л. 7–8; Псковский набат. 1919. 16 мая; Андреев В.М., Жиркова Т.М. На перекрестках лет и событий. Деревня 1917–1930 гг. С. 73.
- 90 ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 112. Л. 1–9; ГАНИПО. Ф. 100. Д. 799. Л. 22–23, 51 об.
- 91 ГАНИПО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 7. Л. 12; Ф. 1. Оп. 1. Д. 111. Л. 12 об.
- 92 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917 – 1924. М., 1970. С. 79; ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 6–7.
- 93 Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. (Окт. 1917 г. – июнь 1920 г.) № 41. С. 387.
- 94 Германов Л. (Фрумкин М.) Товарообмен, кооперация и торговля // Четыре года продовольственной работы. М., 1922. С. 67.

- 95 Орлов Н. Продовольственная работа Советской власти. С. 236–237.
- 96 Непогасимое пламя. 1919. 23 сентября.
- 97 ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 38. Л. 10–10 об.
- 98 Андреев В.М. Под знаменем пролетариата. Трудовое крестьянство в годы Гражданской войны. С. 71.
- 99 Цитата по: Андреев В.М., Жиркова Т.М. На перекрестках лет и событий. Деревня 1917–1930 гг. С. 78.
- 100 Продовольственная политика в свете общего хозяйственного строительства советской власти. Сборник материалов. М. 1920. С. 194.
- 101 Большаков А.М. Деревня в 1917 – 1925. М., 1927. С. 91.
- 102 ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 19. Л. 18 – 20, 21 об.; Ф. 128. Оп. 1. Д. 761. Л. 45; ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 110; Общий доклад о заготовках // Протокол Псковского губернского продовольственного совещания. С. 10.
- 103 ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 148. Л. 24; Военный энциклопедический словарь. М., 1984.
- 104 Свицерский А. Продовольственная политика Советской власти // Второй год борьбы с голодом. Краткий отчет о деятельности Народного Комиссариата по продовольствию за 1918 – 1919 гг. С. VII; Систематический сборник декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу. Кн. 3. М., 1920. С. 140–141.
- 105 ГАПО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 9. Л. 206 - 208; Д. 120. Л. 3, 3 об.
- 106 Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». С. 187 – 188.
- 107 ГАПО. Ф. Р-626. Оп. 1. Д. 111. Л. 1–11; Д. 126. Л. 1–7; Общий доклад о заготовках // Протокол Псковского губернского продовольственного совещания. С. 18–19.
- 108 Там же. С. 12; Андреев В.М. Под знаменем пролетариата. Трудовое крестьянство в годы Гражданской войны. С. 76.
- 109 Известия Наркомпрода. 1920. Январь – февраль. № 1–2. С. 50.
- 110 По данным продорганов в Псковской губернии в 1920 г. было 32546 пчелиных семей из них 26902 в колодах и 5644 в рамочных ульях. Нормы обложения колод и ульев сохранились неизменными с 1919 г.
- 111 Общий доклад о заготовках // Протокол Псковского губернского продовольственного совещания. С. 21.
- 112 Таблица составлена по данным общего доклада о заготовках продовольствия в 1920 г.
- 113 ГАПО. Ф. Р-616. Оп. 1. Д. 145. Л. 111, 111 об., 112, 136, 136 об.; Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 36. Л. 26; Р-532. Оп. 1. Д. 20. Л. 7.
- 114 Мар Д. Три года вооенно-продовольственной работы // Четвертая годовщина Наркомпрода. М., 1921. С. 30–31; ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 108; Ф. 6077. Оп. 1. Д. 48. Л. 19.
- 115 Общий доклад о заготовках // Протокол Псковского губернского продовольственного совещания. С. 35.
- 116 Там же. С. 36.
- 117 Цитата по: Андреев В.М. Под знаменем пролетариата. Трудовое крестьянство в годы Гражданской войны. С. 82.
- 118 ГАНИПО. Ф. 5713. Оп. 1. Д. 34. Л. 102; Д. 43. Л. 45; Д. 80. Л. 82; Д. 123. Л. 17 – 19; Ф. 128. Оп. 1. Д. 726. Л. 6, 14.
- 119 ГАНИПО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 19. Л. 37 об.; Ф. 1. Оп. 1. Д. 111. Л. 12 об.; ГАПО. Ф. Р-616. Оп. 1. Д. 145. Л. 162; Ф. Р-626. Оп. 3. Д. 639. Л. 68–69; Д. 1115. Л. 98; Минченков С.А. «Произвели вооруженное вторжение из-за границы...» О борьбе с бандитизмом в пограничных районах Псковщины в 20-е годы. // Псков. № 11. 1999. С. 173; Васильев М.В., Везовитов С.М. Диверсионно-террористические и бандитские формирования на территории Псковской губернии в первой половине 1920-х гг. // Военно-исторический журнал. № 10. 2011. С. 55–58.
- 120 Лященко А.И. Русское зернового хозяйство в системе мирового хозяйства. К изучению основных тенденций мирового рынка. М., 1927. С. 303–304; Бруцкус Б.Д. Советская Россия и социализм. СПб., 1995. С. 15.
- 121 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 155
- 122 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. М., 1957. Т. 1. С. 225–227.